Как сообщалось, Леониду Леонову и Юрию Бондареву вручена литературная премия имени Льва Толстого.
Публикуем Слово писателей на церемонии вручения.

Леонид ЛЕОНОВ:

Мы переживаем роковые минуты эпохи

Скажу по совести, мне очень приятно быть удостоенным литературной премии имени Льва Толстого. Я от души благодарен. Ведь я никогда не гнался ни за деньгами, ни за славой, и писательский труд для меня был потребностью высказать то, что казалось мне свидетельством эпохи, в которой я жил. Уже долгие годы я работаю над романом. Есть несколько его вариантов, редакций. Я думал показать ландшафт эпохи, ее философское осмысление. Возможно, то, что я предлагаю, окажется лишь версией. Версий может быть много. И, может быть, моя будет неверной. Что же. Но она послужит стимулом к новому осмыслению вещей, которые сегодня кажутся эфемерными, ненужными. Но они очень важны. Эта мысль в свое время была хорошо высказана поэтом Асеевым.

Кровля, хлеб, одежда, обувь,
Лес густой и Лев Толстой.
Об ином мечтать не пробуй.
Все иное — пух простой.

Эпоха, в которой я жил, эпоха громадная. Она вместила в себя такое количество невероятных событий и явлений, которые в наши дни сгустились в непонятный клубок. Я думаю, что в нашей истории еще никогда не было такого. Одновременно дают о себе знать землетрясения и наводнения, войны и террор. Стонет загаженная земля, и мы наблюдаем такое падение нравственности, такой распад и странные вольности, за которые 200—300 лет назад сжигали на площадях. Сегодня они входят в жизнь. Мы свидетельствуем измельчание искусства. И меня очень пугает, когда появляется вместо живописи черный квадрат, треугольник или ромб. И вместо большой музыки, которую я очень люблю,— Бетховена, Чайковского, Рахманинова, Вагнера,— по всем радио- и телепрограммам звучит поп-музыка. Это странная и опасная вещь, потому что она дестабилизирует душевное настроение. Мы переживаем сегодня такие минуты эпохи, роковые минуты, которые во всей истории человечества, думаю я, труднейшие...

Подумайте, какой у нас возраст. Возраст большой. Мы много пережили, мы много видели. И страшный конец нас ожидает. Сейчас население планеты 5,6 миллиарда, в 2020-м году оно достигнет 12 миллиардов, в 2040-м — 59 миллиардов. Какая разрядка ожидает человечество? Об этом мой роман.

Выходы есть, страшные выходы. Они роковые, они решительные. Но, может быть, к ним мы уже запоздали? Ну что же. Тогда приходит конец. Все кончится. Но начнется следующий период жизни. Какой-то новый цикл. И музыка будет другая. Большая, философская музыка.

Вчера у меня были зарубежные гости. Мы вспомнили 14 апреля 1912 года. В океане шел большой корабль. Ночь была, было весело, была рулетка, был бал, играли люди на бильярде, закусывали, выпивали, смеялись, веселились. Были благородные дамы, министры, мировые коммерсанты... А минут через сорок они уже стояли в пижамах и неизвестно еще в чем, стояли с непокрытыми головами... Играл оркестр. Все ближе, ближе... О, Господи! Это был «Титаник». Это был страшный момент. Какая валтасаровская веселость! Все это очень напоминает то, что происходит сегодня.

Откуда взялась вдруг эта ненависть? Такая злобность? И это тоже одна из тем того рукоделия, которое я сейчас готовлю к изданию. Ведь как странно: собираются люди, большие люди, мыслители, президенты, издатели больших газет, ученые. И говорят они на отвлеченные темы. В то время, когда срочно, срочно нужно надевать рабочую одежду и выходить в поле... Мы трагически запаздываем. Тем более, что те опасности, которые грозят нам, в равной степени грозят и тем, за рубежом. Они тоже старые.

И то, что происходит там, на Западе, мне кажется показателем глубокого привыкания к тому, что неминуемо ведет к гибели. Нет, у них не меньше опасностей, чем у нас. Ведь дело все в том, что сегодняшняя цивилизация безумно сложна, и горе наше состоит в том, что мы не успеваем ее обслуживать. Она сложна, как компьютер. Его работу способна свести на нет попавшая в систему песчинка. Песчинка!

Когда люди работали на очень простых машинах, умные и большие вещи делались еще 200—300 лет назад. Каким высоким было тогда искусство человека! Сложность работы, которую делаю я, возникла тогда— а я очень долго сижу над этой работой,— когда родились новые ее варианты. Их все надо уравнять. Несовершенное произведение я не могу выпускать. Хотя и рассчитываю, что читатель отнесется ко мне разумно, великодушно. Спасибо за все, что сделано для меня. Меня радует, что сегодня со мной мои друзья, мне очень лестно, что вы вручили мне премию имени Льва Толстого.

Спасибо глубокое.

Юрий БОНДАРЕВ:

Сов. Россия. — 1993 — 9 сент. — с. 1

Двух историй не было и не будет

Чаще всего наука познает мир внешний, литература помогает навести порядок в мире внутреннем.

Никто не вступает в спор с Богом, когда утверждает, что «среди всех возможностей нет ничего, что было бы выше того, что создано». Порой в искусстве спор идет праздный, на ватной подкладке, теоретиками, обуянными безопасной борьбой с мертвыми или смехотворными скандалами с живыми, мечтающими о вселенской панихиде по великой литературе.

Российская литература всегда была раздираема крайностями оценок, тенденциозной революционностью, патриархальной охранительностью, западниками и славянофилами, общей идеей и независимой художественностью.

И. А. Бунин возражал известному поэту Г. Адамовичу: «Пора бросить идти по следам Толстого? А по чьим же следам надо идти? Кроме того: неужто уж так беден Толстой и насчет этого самого мира внутреннего?»

Стоило бы удивляться несправедливому заявлению Г. Адамовича, если бы до этого Толстого не упрекали бы в неверном освещении народной жизни, в незнании русского народа, в том, что «Война и мир» — сказки бабушек и мамушек, что в романе «Анна Каренина» нет мысли, значительного содержания, что герои Толстого — картонные герои, что вообще русская литература переживает период «средних талантов». Есть на все это ответ ниспровергающему критику — само искусство.

Несомненно, что двух историй не было, нет и не будет, в то время, как дух сатанинства меняет направление и форму, приспосабливаясь во все времена к божественному началу. Пожалуй, поэтому первое перо литературы XX века—Михаил Шолохов прошел также свой крестный путь, как Толстой, обвиняемый неправедными судьями то в плагиате, то в безграмотности, то в отсутствии интеллекта.

Но мы хорошо понимаем, что заглавие и всем ругательным и всем хвалебным статьям — слава писателя.

Если в обыденной жизни предметы и вещи становятся для нас знаками, заслоняющими сами вещи, то в антиреализме они приобретают искаженность, созданную искривленным сознанием.

Толстой — жестокий реалист. Его талант помогает ему проникнуть в глубь вещей и человеческих душ, когда правда художественная уже выше, чем просто правда. В художественной правде, как правило,— трезвость, влюбленность, элемент фантазии, гротеска, идеал. А «Идеал — это путеводная звезда, без нее нет твердого направления, а нет направления — нет жизни». Так говорил об идеале Лев Толстой. Через какие бы катаклизмы, катастрофы, беды общество ни прошло, искусство остается феноменом первоначальным. А философ, художник, творец как проявление самой жизни — бессмертен. Таков был и есть Лев Толстой. В наше тяжкое время получить премию имени гениального художника честь высочайшая, недосягаемого величия.